

УДК 101.1:316

DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020

Идеационный поворот и осмысление детерминационного значения идей в институциональных исследованиях (часть 1)

Равочкин Никита Николаевич

Доктор философских наук,
доцент кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин,
Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия,
650056, Российская Федерация, Кемерово, ул. Марковцева, 5;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются идеи в качестве фактора институциональных изменений в контексте произошедшего в социальных науках идеационного поворота. Актуальность статьи обосновывается недостаточностью теоретической разработки «идейно ориентированной» проблематики в современной социальной философии. Цель исследования состоит в осмыслении детерминационных возможностей идей в процессах институциональных преобразований. Методология исследования построена на общеполитических подходах, а также компаративистском анализе. Изучена история вопроса, репрезентированы первые работы, посвященные роли идей в общественной жизни. Автор подробно рассматривает классификации социальных идей. Установлено, что дискурсивный институционализм является наиболее идейно ориентированным подходом, позволяя преодолевать ограничения, с которыми неизбежно сталкиваются институционалисты классического толка. В ходе проведенного социально-философского анализа показано, каким образом идеи способны оказывать детерминационное воздействие.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н. Идеационный поворот и осмысление детерминационного значения идей в институциональных исследованиях (часть 1) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 1А. С. 148-164. DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020

Ключевые слова

Идея, идеационный поворот, институты, общество, социальные трансформации, актор, модернизация.

Введение

Актуальность исследования обуславливается прежде всего тем, что на постсоветском этапе развития общества с присущим ему ярко выраженным контрастом, который оформился именно в сфере функционирования идеальных факторов в публичном пространстве, произошел отказ от «единого» в пользу «многого». Так или иначе, властные акторы и интеллектуальное сообщество не могли более соотносить свою деятельность с одним лишь коммунистическим проектом, на смену которого пришел целый плюрализм ментальных конструктов. Представленный масштабный когнитивный диссонанс вопреки желаниям отодвинуть идеальные переменные на второй план вызвал целый ряд злободневных вопросов, детальная проработка которых, по нашему мнению, до сих пор выглядит недостаточной: Каким образом плюрализм и конкуренция идей оказывают влияние на поведение отдельных групп? Насколько конгруэнтны передовые интеллектуальные конструкты, их модификации и конфигурации актуальному уровню развития определенного общества? Какими детерминационными возможностями обладают идеи применительно к процессам становления и трансформации институтов? Принимая во внимание, что сегодня институты играют центральную роль среди других социальных структур, в данной работе попытаемся разобраться во взаимосвязях между ними и идеями.

Ранее мы неоднократно отмечали, что идеи фундируют институты, которые в той или иной степени отражают первоначальные теоретические замыслы, а конкретные воплощения служат целям по нормализации общественных отношений, тем самым подтверждая свою «обеспечивающую» природу. В целом же применительно к социуму необходимо сказать, что конкурирующие между собой ментальные конструкты могут быть рассмотрены не только в теоретическом, но и прикладном аспекте. Идеи и их синтезы, адаптированные под эмпирические контексты, лежат в основе программ социальных преобразований, формируя спектр возможных альтернатив при решении наиболее значимых проблем и формулировании адекватных ответов на вызовы, вследствие чего посредством трансформаций государства ремоделируют институты и преобразовывают практики. К примеру, разработанные в Новое время интеллектуальные конструкты путем их дистрибуции через клубы, прессу и различные ассоциации не просто изменили общественное мнение, но и, по сути, подготовили его для имплементации таких институтов, как выборы, партии и парламенты [McCaffrey, Melancon, 2005, 7]. Иными словами, идеи и институты выступают взаимообусловленными и неделимыми, что делает значимым изучение не только заложенного в данные социальные содержания, но и меняющихся контекстуальных условий их генерирования и конкуренции. Однако для того, что выявить особенности репрезентации институтов, также считаем, что в данной статье необходимо разобраться и с сущностью произошедшего в социальных науках «идеационного поворота».

Обзор теоретических источников

Оформившиеся в социально-гуманитарном дискурсе так называемые «старые» институциональные теории, вне зависимости от своей принадлежности (историческая, социологическая или даже теория рационального выбора), предлагали различные дефиниции ключевого понятия. Как известно, любые изменения рассматриваемых структур объяснялись с позиций взаимодействия между институтами и акторами. При этом исследователи в унисон

подчеркивали, что именно институты становятся эффективным средством детерминации развития современного общества и его отдельных сфер, обуславливая поведение и специфику наблюдаемых взаимодействий. В то же время необходимо признать, что традиционные подходы к объяснению институциональных преобразований сегодня все чаще подвергаются резкой критике со стороны новых подходов, в первую очередь конструктивистского и дискурсивного [Blyth, 1997; Blyth, 2002; Gofas, Hay, www; Schmidt, 2002], представители которых разрабатывают альтернативный подход к пониманию происходящих трансформаций под влиянием идейного и дискурсивного контекстов. Так, в конце прошлого столетия были предложены новые фундаментальные подходы, связанные с изучением влияния идей на формирование и изменение институциональной архитектуры [King, 1973; Kingdon, 1984]. Ряд «идейно ориентированных» исследований позволяет ученым прояснить институциональные трансформации в различных сферах, главным образом политической, посредством анализа идеальных факторов [Béland, 2010; Béland, Cox, 2011; Béland, Cox, 2016; Parsons, 2016; Schmidt, 2002; Schmidt, 2008; Schmidt, Thatcher, 2014]. В зарубежной литературе увеличивается численность работ, посвященных изучению влияния идей в жизни общества и в связи с институциональным строительством и реформированием [Baumgartner, 2014; Berman, 2013]. Позднее в отечественном дискурсе также признается необходимость репрезентации идей будущих социальных структур и отмечается их значимость как для возведения институтов, так и в аспекте социальных следствий для государства в целом [Вольчик, Маслюкова, 2018; Малинова, 2009].

Утверждение о том, что «идеи имеют значение» получает отклики у представителей различных социальных наук, что позволяет не только констатировать признание данного подхода и его ценность самого по себе, но и сделать целесообразными исследования по выявлению роли идей к институтам. Стремления постичь и объяснить значение и возможности идеальных факторов для социума связаны в первую очередь с произошедшим в обществоведении «идеационным поворотом». Характерно, что, несмотря на все большую популярность в зарубежной и отечественной науке, данный концепт все еще находится на стадии своего объяснения. Разночтения обусловлены дифференциацией дисциплинарных подходов, в рамках которых строят свои теории экономисты, юристы, политологи, социологи, а также недостаточным вниманием со стороны представителей философии.

«Идеационный поворот»: дефиниция, сущность, причины возникновения

Самоочевидно, что развитие социально-гуманитарных наук в отечественных реалиях и игнорирование идеальных факторов легко объяснить базисным догматом истмата «Бытие определяет сознание». Обществоведение главным образом сосредоточилось на выявлении материальных аспектов бытия личности и общества, тогда как «идеальное» (когнитивные установки, фреймы, ценностные ориентации) оставалось на периферии научного внимания и уступало «материалистическим объяснениям». Конечно, это неизбежно редуцировало любые варианты социальной активности субъектов до банальных интересов [Малинова, 2009, 5]. В то же время, невзирая на господство марксизма в отечественных социальных науках, фрагментарную разработку идейной тематики все же можно было увидеть, при этом ее социальное приложение зачастую игнорировалось, а конструктивные возможности к институтам и эволюции обществ вовсе не учитывались.

С учетом обозначенной инерции мы вправе считать, что поворот к изучению идей с соответствующим ему появлением проблемных работ, хоть и в незначительном количестве, состоялся в два последних десятилетия. Исследователи обратили внимание и обосновывали факты того, что интеллектуальные конструкты – это действительно те переменные, которые обладают детерминационными и объяснительными возможностями применительно к социальным процессам и феноменам. Л.В. Сморгунов напрямую связывает сущность «идеационного поворота» с потребностями аналитики «идей в качестве значимых объяснительных причин политических процессов и событий. До этого идеи всегда сводились к интересам, функциям, структурам, институтам, мирам, т. е. к чему-то объективно данному, реальному и аналитически выводимому из наблюдений, и эти объективированные факты рассматривались в качестве основы объяснений. Идеи требовалось объяснить, но сами они редко выступали в качестве фактора объяснения» [Сморгунов, 2009, 120].

Актуальность осмысления детерминационного и объяснительного потенциала идей вовсе не становится какой-то банальной оборотной стороной односторонних материалистических построений, но по большей части находится в синкретизме с развертыванием исторических событий конца прошлого столетия: завершение холодной войны и распад СССР, переформатирование мирового порядка на фоне отказа от «двухполюсной модели» и формирование качественно иных наднациональных и международных институтов, появление беспрецедентных вызовов в контексте нелинейной динамики, многочисленные успехи и неудачи одних и тех же социальных проектов в различных эмпирических условиях – вот далеко не полный перечень актуальных вопросов, которые не могут быть изучены и поняты без выявления их идейного обоснования.

Начнем с того, что к концу 1990-х гг. исследователи стремились доказать самостоятельное значение идей, которое необходимо учитывать в социальных процессах [Малинова, 2009, 9]. Применительно к нашей тематике следует сказать, что на данном этапе ученые, отстаивающие позицию о самостоятельном значении идей, подвергают критике основные положения традиционного институционализма, прежде всего «теорию рационального выбора». Это дало возможность обратить внимание научной общественности на то, что именно поворот к идеальным факторам дает наиболее полную картину понимания сложных процессов институциональных преобразований. Учет идей позволяет усмотреть, каким именно образом динамичные по своей природе аксиологические модусы, убеждения и экспектации субъектов восполняют недочеты теории рационального выбора, оставляющей за пределами внимания поведение отдельных акторов, в части прорисовывания механизма идейной детерминации институциональных преобразований. В соответствии с этим вектором разрабатываются подходы, направленные на создание методологического обоснования изучения влияния идей на институциональные трансформации. Ведется оживленная дискуссия, направленная на выявление возможностей включения фактора идей в уже существующие методологические модели, возможности обновления модели рационального выбора путем встраивания вспомогательных инструментов и подходов, вследствие чего учет влияния идей даст возможность разработать валидную исследовательскую программу [Blyth, 1997, 247]. В целом же именно в последние десятилетия идеи становятся общепризнанным фактором социальных трансформаций на микро-, мезо-, макро- и глобальном уровнях. Согласимся с тем, что смысл произошедшего в социальных науках «идеационного поворота» можно отразить следующим образом: «Подчиняя своему распорядку повседневную жизнь... идеи формируют

институциональную среду, которая может формировать и формирует долгосрочные тенденции развития общества» [Вольчик, Маслюкова, 2018, 152].

Принимая во внимание осознание влияния идей на социальные трансформации, продолжим наши рассуждения в логике изучения подходов к категорированию «идей» в контексте работ «идейно ориентированных подходов». О.Ю. Малинова подчеркивает, что идеи зачастую ассоциируются с «более или менее связными формами выражения сознания, которые могут быть выделены в виде понятий, принципов, представлений, концепций, доктрин, теорий, программ» [Малинова, 2009, 9]. В наиболее общем виде идеи предстают в качестве «систем убеждений, которых придерживаются отдельные люди, группы или целые институты, а их одобрение и принятие в конкретном обществе лежит в основе авторитетного влияния применительно к многочисленным взаимодействиям» [Béland, Cox, 2011, 6]. Становится понятно, что идеи, кристаллизующие замыслы их создателей по улучшению социальных взаимоотношений, играют значительную роль в публичном пространстве. Современные исследовательские средства, прежде всего концептуализация и операционализация понятий, также позволяют ученым интерпретировать зафиксированные смыслы применительно к эмпирическим контекстам для их последующего изучения и вдумчивого философского анализа.

Несмотря на имеющиеся внушительные возможности лингвистического анализа, исследователи вряд ли могут сойтись в однозначном признании влияния конкретных интеллектуальных конструкторов не только по причине описанного П. Рикером «конфликта интерпретаций». Воздействие идей на социальные процессы будет далеко не всегда очевидным, поскольку функционирующие в публичном пространстве идеи и их смыслы могут быть не то что «неправильно» поняты акторами и субъектами институциональных преобразований, что изменит их до неузнаваемости. Дело в другом: в зависимости от конъюнктуры создание и/или рецепция социальных ментальных конструкторов могут происходить с целью манипулятивных воздействий на массовое сознание, общественное мнение или выступать в исключительно в качестве фасада будущих институтов, когда их содержание вовсе может оказаться неконгруэнтным ожиданиям населения и той риторике, которой придерживались акторы. В таких случаях первостепенная роль детерминант институциональных преобразований будет принадлежать не тем эксплицитным идеям, которые были проговорены (скорее всего, неоднократно) соответствующими идеями, но тем незвученным модификациям и конфигурациям конструкторов, идентифицировать которые представляется возможным лишь в сколько-нибудь срочной перспективе функционирования воплощенных структур. В то же время ошибочно полагать, что в подобных случаях так называемые «проговоренные» идеи будут обладать нулевой степенью воздействия социальное бытие. Это связано с тем, что вне зависимости от характера публичности в сочетании с теми смыслами, которые в них на самом деле позднее заложат акторы, определенная часть населения обязательно обнаружит отклики своим потребностям и будет позитивно оценить озвученные смыслы. Вследствие этого практики и последующее функционирование институтов уже будет отличаться и от материальных интересов субъектов преобразований [Finnemore, 1996, 154].

Вслед за О.Ю. Малиновой мы видим, что идеи могут быть репрезентированы в так называемых «распыленных» формах. Здесь они предстают в качестве одобряемых и признаваемых группам (но при этом не обязательно систематизированных и жестко взаимосвязанных между собой) аксиологических модусов, нормативных представлений о должном и желаемом состоянии общества или же фреймов, которые разделяются

представителями национального сообщества, однако при этом они далеко не всегда могут находить свое выражение в знаках языковых семиотических систем. Но этим идеям все же удастся сформировать общественный запрос на институциональные трансформации и очертить определенный «репертуар смыслов, на основе которого интерпретируются события и интересы» [Малинова, 2009, 11].

Приверженцы функционализма полагают, что социальные идеи могут быть представлены в такой дихотомии как «нормативные» и «когнитивные». Первые формируют и определяют идеалы и ценности, тогда как вторые на основе представлений об устройстве мира не только обеспечивают оптику для анализа действительности, но и в определенной мере сообразовывают поведенческие паттерны индивидов для интересубъективных взаимодействий. Продолжая освещать идеи в логике функционализма, отметим, что Дж. Голдштейн и Р. Кэхейн выделяют три разновидности ментальных конструкторов: 1) «убеждения-принципы» как нормативный фундамент совершаемых действий и принимаемых решений; 2) «каузальные представления», определяющие траектории движения индивидов к целям; 3) «фундаментальные мировоззрения», конституирующие целостные картины мира [Goldstein, Keohane, 1993, 8-10].

Дж.Л. Кэмпбелл, который также руководствуется праксиологическим принципом функциональности с учетом будущего воплощения интеллектуальных конструкторов как социальных институтов, предлагает пять форм проявления идей: 1) национально-специфические когнитивные парадигмы, задающие панораму полезности и лежащие в обосновании своевременности институциональных преобразований; 2) нормативные системы, отражающие выбранный курс институционального развития государства; 3) фреймы, объясняющие и легитимирующие населению институциональные инициативы истеблишмента; 4) долгосрочные программы изменения, служащие долгосрочным руководством для принимаемых решений по поводу сценариев реализации институциональных изменений; 5) транснациональные системы нормативных представлений, которые оказываются полезными при заимствовании успешного опыта институционального строительства извне [Campbell, 2002].

Напомним, что любые классификации все же являются условными, но при обосновании авторской точки зрения имеют полное право на существование в академическом сообществе. Поэтому единая и исчерпывающая таксономия социальных идей вряд ли когда-нибудь будет разработана. Вне зависимости от версий категорирования публичных и имплицитных идей, важно понимать, что, вопреки своим многочисленным репрезентациям в сознании отдельных акторов, групп или целых национальных общностей, они всегда социально обусловлены, имеют социальную природу, вследствие чего их зачастую «достаточно непросто адаптировать к онтологии рационалистического индивидуализма и базирующимся на этой парадигме методологическим подходам» [Gofas, Naу, www].

Важно, что в таких случаях их весьма затруднительно вписать в традиционные представления о причинно-следственных связях, что, безусловно, задает исследователям дополнительную нагрузку, требуя приложения коллективных усилий и, вполне вероятно, мультипарадигмальных методологий. Причина скрывается в том, что источником таких идей выступает неявное знание, поэтому научным коллективам не приходится говорить об упрощенных линейных причинно-следственных эффектах, но следует сосредоточиться на дискурсивных условиях [Вольчик, Маслюкова, 2018, 157]. Поэтому сейчас необходимо сделать методическое замечание, что влияние идей на институциональные изменения (тем более

принимая во внимание бесконечные трансформации заложенных в них первоначальных смыслов) далеко не всегда будет ярко выраженным. Метаморфозы содержания, получающие широкое распространение, в очередной раз подчеркивают значимость обращения к логике идей, интеллектуальной истории и к используемым мыслителями словарям, без чего успешная реконструкция представлений по поводу тех или иных институтов не выглядит возможной, значит, не дает приблизиться к собственно философскому пониманию рассматриваемой нами темы и всесторонне описать конкретное общество, не говоря уже о прогнозировании его развития.

Следовательно, одним из существенных противоречий в научных работах, посвященных анализу идейной детерминации институциональных преобразований, которое необходимо разрешить, является ранжирование роли наиболее значимых социальных идей, заложенных в новые качества институтов. Другая немаловажная исследовательская задача, по мнению О.Ю. Малиновой, состоит в выявлении совокупности причин и условий, как и когда публичные и имплицитные идеи становятся детерминантами институциональных преобразований [Малинова, 2009, 11]. В дополнение к сказанному обозначим еще два направления исследований: 1) соотношение между публичными и имплицитными ментальными конструктами в определенном контексте; 2) компаративистика между схожими идейными синтезами, которая бы объясняла их жизнеспособность в различных реалиях.

Подходы к изучению идей в институционализме

Принимая во внимание выявленную сущность идей, а также их социальную природу и детерминационные возможности применительно к трансформациям институциональной архитектуры, следует отметить, что данные конструкты, как правило, принимают «на себя роль инициатора постепенных изменений, проводника инноваций или же, наоборот, сдерживая чересчур радикальные реформаторские устремления, определяют рамки необходимых институциональных изменений» [Равочкин, 2021, 217]. На сегодняшний день в русле институционализма можно выделить несколько подходов, сторонники которых сосредоточиваются на изучении детерминационных возможностей идей применительно к рассматриваемым социальным структурам.

Прежде всего, это «теория рационального выбора» [Goldstein, Keohane, 1993], в рамках которой выделены три группы эффектов, которые могут оказывать идеи: 1) «дорожные карты», направляющие акторов при выборе стратегии поведения в условиях неопределенности, порожденной недостатком информации. Можно сказать, что в условиях невозможности построения точных прогнозов субъект руководствуется теми принципами, которые в соответствии с его рациональностью одновременно придают его активности моральную и мотивационную окраску. В такой логике ментальные конструкты прокладывают траектории, обуславливая поведенческие паттерны для достижения поставленной цели; 2) «точки фокусировки», алгоритмизирующие и опосредующие стратегические взаимодействия акторов в их приближении к желаемому результату в форме воплощенных в социуме институтов; 3) идеи как фундамент принятия решений.

Мы видим, что у сторонников теории рационального выбора идеи приобретают весьма инструментальное значение, способствующее генезису социальных структур с учетом конъюнктуры и интересов акторов. Репрезентированная тесная связь с функциональными

характеристиками институтов позволяет судить, что в таких случаях определение содержания необходимых для практической реализации идей сильно ограничивается имеющимися у субъектов преобразований ресурсами, главным образом временем [Тамбовцев, 2019; Naas, Criscuolo, George, 2015; Ocasio, 1997]. Таким образом, большинство институциональных трансформаций будут восприниматься и маркироваться как экзогенные. Сами институты обретают значение таких структур, которые стимулируют индивидов к выбору рационально обусловленных поведенческих паттернов, руководство которыми позволяет удовлетворить все возрастающий перечень потребностей и обеспечить собственное самоподдерживающее функционирование.

В то же время нельзя не отметить, что попытки встраивания идеальных факторов в уже существующие материальные объяснительные модели и схемы неоднократно подвергались критике. Подобные попытки заранее обречены на провал по причине того, что само положение о способности по-разному интерпретировать условия каждой конкретной ситуации, контекст и собственные интересы противоречит сути самой теории рационального поведения. По нашему мнению, слабое место рассмотренного подхода заключается в том, что он не дает объяснений тем фактам, почему одни идеи влияют на поведение акторов, а другие – нет. Однако сами по себе интеллектуальные конструкты ничего не значат; соответственно, детерминационный потенциал связан не с самой идеей, но зависит от уровня развития системы социальных коммуникаций, от особенностей окружающей реальности, уже возведенных в обществе институтов и приоритетных практик, а также от особенностей людей взаимоотношений между продуцирующими и распространяющими ментальные конструкты сетями интеллектуалов и воспринимающими результаты этой деятельности влиятельными субъектами.

Помимо этого, теория рационального выбора не объясняет, почему же два субъекта, которые имеют одинаковый социальный статус и экономические возможности, могут иметь кардинально противоположные представления о собственных интересах [Béland, 2010; King, 1973], а также тех следствий, когда в отдельных случаях интеллектуальные конструкты могут оказывать гораздо большее влияние на выбор ими тех или иных поведенческих паттернов, чем интересы. Будучи излишне сосредоточенной на критериях логичности и детерминизма, теория рационального выбора попросту упускает из внимания многочисленные и не поддающиеся исключительно рациональному объяснению переменные. Поэтому неудивительно, что после проведенного критического анализа мы в полной мере соглашаемся с А. Гофасом и С. Хэйем в том, что данный подход вряд ли обладает прагматической пользой «для развития исследовательской программы, направленной на изучение таких разновидностей факторов, которые связаны с мышлением» [Gofas, Hay, www].

Другими направлениями, анализ которых позволит раскрыть заявленную тематику, являются исторический институционализм и социальный институционализм. Данные подходы категорируют идеи в качестве вспомогательного средства, которое конституирует представления акторов и направляет их к реализации институциональных изменений в сопряженности с их интересами [Berman, 2013]. Наиболее яркие кейсы подобной идейной детерминации институциональных преобразований – это тоталитарные государства, где сплетенные в различные синтезы интеллектуальные конструкты фундируют целые идеологические проекты. В таких случаях эти идеальные образования принимают на себя определяющее значение наряду с политическим истеблишментом и государственными структурами, которые защищают и осуществляют дистрибуцию подобных комплексов идей,

значимых для достижения узкокорпоративных интересов. Если учитывать такие базисные характеристики идеологии, как, к примеру, агрессивная догматичность и двойные стандарты, то неудивительно, что для апологии таких идей властные акторы прибегают к массовым пропагандистским кампаниям и регулярным повторениям кристаллизованной для массового сознания (дез)информации. Тотальный контроль различного рода коммуникаций позволяет политическим структурам воспроизводить используемые для подкрепления авторитеты буквально на всех уровнях – от образовательных учреждений через научные и творческие элиты и вплоть до средств массовой коммуникации.

Относящиеся к историческому институционализму мыслители предлагают рассматривать главное понятие в качестве упорядоченных качеств, систем норм и ценностей, которые структурируют действия и тем самым обеспечивают достижение прогнозируемых результатов. Функционирование и развитие институтов позволяют поддерживать стабильность общества, устойчивость которого, как известно, лежит в основе поступательного эволюционного развития. Процессы институциональных преобразований обусловлены главным образом экзогенными факторами, которые объективируются на этапах кризисного состояния социума. Дефинирование институтов у последователей социального институционализма во многом представляется аналогичным, правда, с небольшим отличием. В частности, теоретики социального институционализма связывают процессы становления этих социальных структур с процедурами организационной жизни, с нормами, сценариями, когнитивными рамками, смысловыми системами, которые направляют жизнь.

Однако следует отметить, что и такие объяснения зачастую подвергаются резкой критике со стороны научного сообщества. Так, данные концепции сфокусированы преимущественно на «коллективных» характеристики идеях, за счет чего достаточно удобно объяснять масштабные парадигмальные сдвиги в пределах всего социального пространства. Отсюда следует, что без должного внимания, а то и вовсе не изученными остаются изменения отдельных институтов, которые при априорном равенстве между собой в различных случаях могут способствовать тем самым поворотным моментам в общественной жизни определенных стран, а то и целых (макро)регионов. По сути, в рамках этих подходов идеи являются словно изначально встроенными в социальные институты, выступая в качестве их «начинки». Парадоксально, но даже при вскрытии фактов идейной детерминации институциональных преобразований исследователи обращают внимание исключительно на их регулятивный потенциал применительно к интересубъективным взаимодействиям, упуская из виду богатый функционал. Более того, за рамками внимания остаются многочисленные факты того, что в периоды экономической, социальной, политико-правовой неопределенности институты закономерным образом теряют привычную силу воздействия на индивидов, что способствует усугублению институциональных разрывов [Béland, 2010; Blyth, 2002]. Тем не менее именно идеи становятся теми инструментами социальной инженерии, которые не просто направлены на исправление дефектов, но предоставляют субъектам институциональных преобразований возможности посредством обращения к мировому идейному наследию осознавать когнитивные схемы, способствующие артикулированию самых различных аксиологических модулов.

Завершает аналитический обзор одно из новейших направлений – дискурсивный институционализм, в соответствии с положениями которого как раз и выводится тезис о том, что «идеи имеют значение» [Schmidt, 2008]. Изучение взаимодействия идей, интерактивных процессов их продвижения, распространения и институциональных изменений выступает

главным направлением исследований в рамках данного подхода. Более того, именно представителям этого направления удалось не просто обобщить достижения уже рассмотренных нами трех видов институционализма, но и существенно продвинуться в изучении роли идей и тем самым выйти за обозначенные пределы и преодолеть методологические слабости.

Начнем с того, что сторонники данного подхода сосредоточиваются на тех воздействиях, которые идеи оказывают на трансформации институциональной архитектоники с учетом понятия «дискурс». В данном исследовании под дискурсом будем понимать сложный вариативный феномен, сформированный в результате взаимодействия циркулирующих в социальном пространстве идей, а также условий их порождения и функционирования. Выходит, сам дискурс выступает комплексным интерактивным процессом обсуждения, конструирования и последующей корректировки направлений социального развития, возведения и ремоделирования институтов в зависимости от возникающих перед обществом вызовов и дифференциацией актуальных потребностей населения. В отличие от предшественников, представители дискурсивного институционализма обращают свое внимание на продукты речепорождения – идеи, нарративы, фреймы, мифы, коллективные воспоминания, сценарии, рассказы. В принципе идеи могут быть рассмотрены как неотъемлемая составляющая институционального развития общества. При этом важно добавить, что в рамках данного подхода идеи никоим образом не противопоставлены материальным интересам личности. Идеи и институты воспринимаются как динамические и (из)меняющиеся сущности. Сами институты в такой оптике правомерно полагать практическими воплощениями идей, отражающих коллективную сущность представлений об идеальном состоянии общества, в определенной мере воспринятых, понятых, интерпретированных и имплементированных акторами в социальное бытие.

Идеи оказывают воздействие на общественное мнение, следовательно, институциональные трансформации неразрывны со способностью ментальных конструктов обретать убедительную силу. В результате различные акторы, используя те или иные идеационные элементы, задают в групповом сознании новые пазлы, каждый из которых при взаимодействии с когнитивными и нормативными убеждениями индивидов по-своему репрезентирует и обосновывает актуальность предлагаемой институциональной архитектоники для представителей социальных общностей.

Дискурсивные институционалисты считают, что преобразования архитектоники фундируются при сочетании следующих идеационных элементов: 1) «власть посредством идей», заключающаяся в умении влиятельных субъектов убеждать других индивидов и представителей самых различных социальных групп санкционировать, принимать доводимые до них идеи и претворять в жизнь их содержание путем координации своего поведения (де-факто участвуя в преобразовании институтов) в соответствии с теми сценариями, которые предписывают обновленные установления; 2) «власть над идеями», состоящая в способностях акторов фильтровать неэффективные (по различным критериям) идеи, реформируя институты на основании собственных программ, коррелирующих с аксиологическими ориентациями, когнитивными установками и ожиданиями социума; 3) «властвование в идеях» как установление гегемонии в определении актуальной идейной повестки институциональной модернизации для эволюционного развития общества, ее ревизии и обсуждения [Carstensen, Schmidt, 2016, 318]. К слову, в зависимости от структурных условий, имеющих в том или ином

обществе, направленность коммуникаций по поводу убеждения в значимости и принятии определенных идей институционального реформирования может осуществляться как «сверху» (от властей и других влиятельных акторов), так и «снизу» (интеллектуалы и гражданское общество как результат самоорганизации инициативных представителей различных социальных групп).

Графическое представление сущности рассмотренных в этой части исследования подходов к изучению взаимовлияния идей и институтов можно увидеть в табл. 1.

Таблица 1 - Подходы к изучению идей и институциональных трансформаций

Критерий	Теория разумного выбора	Исторический институционализм	Социальный институционализм	Дискурсивный институционализм
Объект исследований	поведение разумного актора	институты и практики	нормы и ценности социальных акторов	идеи и дискурсы
Логика объяснения	количественный анализ	взаимозависимость	схожесть	коммуникация
Понимание института	поощряющая структура	макроисторические структуры и объяснения	культурные нормы и рамки	значение структур и конструкций
Подход к пониманию изменений	статический: изменение посредством поощрения	статический: непрерывность эволюции посредством переживания критических моментов	статический: непрерывная эволюция посредством культурных норм и правил	динамический: постоянная эволюция посредством идей и нарративов
Объяснение изменений	экзогенный шок			эндогенный процесс, который реализуется посредством генерирования идей и моделирования дискурсов

В качестве резюме следует сказать, что сегодня традиционный институционализм с его попытками предложить рациональные объяснения роли идей в институциональном строительстве сталкивается с рядом затруднений, в частности с невозможностью уложить все многообразие проявлений деятельности различных акторов и социальных групп в «прокрустово ложе» рациональных объяснений, что приводит к формированию вполне очевидного понимания того, что «идеи важнее интересов» [Тамбовцев, 2019, 28]. Мы видим, что теории рационального выбора, исторического и социального институционализма сталкиваются с существенными затруднениями в процессе объяснения влияния идей на институциональное строительство, но не могут обосновать, как именно ментальные конструкты конституируют интересы акторов и субъектов институциональных преобразований. Сторонники дискурсивного институционализма рассматривают идеи и нарративы в качестве неотъемлемых структурных компонентов дискурса и общественного мнения, которое выступает как триггер институционального строительства.

Влияние идей на социальные трансформации, институциональную архитектуру

С учетом положений рассмотренных подходов целесообразно обратиться к прояснению специфики имплементации идей в их социальном проявлении, в частности показать их детерминационные возможности к институциональной архитектуре. Как отмечает Л.С. Рэшотт, социальное приращение идей изменяет «привычные мысли, чувства, установки и поведение индивидов при осуществлении ими интеракций на самых различных уровнях» [Rashotte, 2007, 4426]. Говоря другими словами, идейная детерминация социального – это взаимосвязанная система взаимодействий между различными индивидуальными и коллективными акторами, в которой осуществляется обмен информацией и знаниями, что позволяет рассматривать коммуникативные процессы, обмен нарративами и «спрятанными» в них смыслами в качестве потенциального источника будущих преобразований, поскольку далеко не все получаемые данные могут способствовать метаморфозам поведенческих паттернов реципиента [Тамбовцев, 2019]. Как известно, любые нарративы создаются именно для того, чтобы субъекты ими делились с другими и пересказывали, в результате чего в определенных обществах они постепенно могут становиться институтами самого различного уровня, тем самым находя свое практическое воплощение [Mordhorst, Schwarzkopf, 2017]. Таким образом, именно в процессах коммуникативных обменов идеи, репрезентированные в нарративах, могут овладевать умами акторов, не просто получая широкое распространение в массах, но и выполняя функции важнейшего инструмента формирования и эволюции институциональной архитектуры.

Возвращаясь к дихотомии идей «публичные – распыленные», мы можем увидеть спиральную траекторию превращения идей в институты, по сути, отражающую процесс преобразований знаний. При создании данной модели В.В. Вольчик и Е.В. Маслюкова руководствовались способами взаимодействия между явными и неявными знаниями, а также эксплицитными и имплицитными идеями: 1) «социализация» – преобразование неявного знания в явное, при котором «распыленная» идея хоть и остается таковой, однако при этом может приобрести дополнительные коннотации; 2) «комбинирование» – преобразование явного знания в явное, при котором одна «публичная» идея подменяется другой; 3) «экстернализация» – преобразование неявного знания в явное, т. е. переход «распыленной» идеи в публичную; 4) «интернализация» – преобразование явного знания в неявное как обратный переход публичной идеи в «распыленную» [Вольчик, Маслюкова, 2018, 158].

Эти же исследователи выбрали весьма нетривиальную схему для объяснения влияния идей на институциональную эволюцию – модель распространения вирусов во время эпидемий Кермака – Маккендрика. В.В. Вольчик и Е.В. Маслюкова модифицируют указанную модель для «оценки восприимчивости населения к идеям, которые распространяются через нарративы» [Там же, 156]. Адаптированная под институциональные исследования программа позволяет сделать следующий вывод. Скорость превращения идей в институты зависит от укорененности знаний, содержащихся в нарративах, интенсивности и скорости их дистрибуции. По мнению исследователей, сложившиеся структурные условия испытывают сильное влияние со стороны таких инструментов, как социальные сети и новые медиа в целом. Это способствует оптимизации ресурсных затрат на процессы распространения идей и приводит к беспрецедентному до настоящего времени ускорению институциональных трансформаций, что

во многом обуславливает их перманентный характер в контексте объективации регулярных вызовов, с которыми в настоящее время сталкиваются все без исключения государства [Там же].

Взаимодействие в сетевых сообществах – один из видов социального обмена, протекающий, согласно С. Вонгом и Р.А. Но, преимущественно в областях, где можно увидеть командные принципы построения взаимодействий, развитую организационную культуру и широкую палитру мотивационных факторов [Wang, Noe, 2010]. Представленный подход подчеркивает наличие непосредственного влияния идей и нарративов на институциональные изменения, однако примеров расчетов, которые бы способствовали «количественному» пониманию превращения идей в институты и трансформации практик, пока еще не представлено.

Также в зарубежной литературе широкое распространение получил подход к объяснению институциональных трансформаций во взаимосвязи с идеологическими сдвигами, главным образом разработанный в работах П. Холла. Исследователь предлагает рассматривать институциональные изменения как сложный многоуровневый процесс, затрагивающий три уровня: 1) изменения третьего порядка затрагивают изменения идей, аксиологем и убеждений, которые непосредственно фундируют институты и практики; 2) изменения второго уровня касаются преобразований институциональных инструментов и механизмов, служащих целям достижения определенного результата; 3) изменения первого порядка относятся к изменениям институциональных настроек [Hall, 1993]. Проще говоря, любые институциональные трансформации начинаются с пересмотра мировоззренческих основ, а лишь затем находят свое практическое воплощение. При этом те изменения, которые непосредственно касаются идеального, являются технократическими и протекают достаточно быстро, тогда как институциональные трансформации чаще всего реализуются на протяжении длительного времени, требуя осознанности на фоне той ответственности, которая возложена на данные структуры, да и анализ опыта мгновенных преобразований свидетельствует о том, что переносимые модели, как правило, не будут столь эффективными, как у заимствуемых образцов, поскольку акторы часто не успевают адаптировать их к собственным эмпирическим контекстам.

На наш взгляд, концепция Холла способствует глубинному пониманию сущности изменений. Так, изменения третьего порядка, генерирование и дистрибуция новых идей реализуются на коротких временных отрезках, если речь идет о «публичных» идеях, которые провозглашаются и санкционируются отдельными субъектами институциональных преобразований, стремящихся создать коалиции единомышленников. В то же время история человечества знает идеи, которые сопровождают нас на протяжении длительного периода развития, соответственно, говорить о высокой скорости их распространения не приходится. Например, идея «свобода, равенство и братство» и сегодня не утрачивает своей актуальности, продолжая влиять на институциональные трансформации и социальные порядки современности, однако мы не можем говорить о «вирусном» характере ее дистрибуции. Такие идеи работают на более глубоком уровне, чем интеллектуальные конструкты, непосредственно артикулируемые политиками. Получается, приведенная в качестве примера идея, как и многие аналогичные, зачастую остается невысказанной, что не мешает ей подкреплять институциональное строительство и конституировать определенные принципы политико-правовой жизни.

Взаимодействия между идеями и институциональными сдвигами носят нелинейный характер. Все гораздо сложнее и противоречивее. Практика показывает, что социальная

философия государства развивается медленно, преимущественно эволюционно при помощи приспособления к постоянно меняющимся реалиям, что не позволят столь однозначно объяснить институциональные трансформации через формирование и выдвижение новых идей, а также выбор инструментов для их реализации.

Применительно к этому К. Парсонс предлагает выделять четыре уровня любых существенных изменений: 1) структурные, связанные с метаморфозами материальных основ института и факторов социокультурной среды; 2) институциональные, модифицирующие те основания социальных установлений, которые созданы искусственно в процессе деятельности человека; 3) идеологические как исторически сформированные и заложенные в основу функционала институтов коллективные убеждения и идеи, пересмотр которых мотивирует на remodelирование наличных структур; 4) психологические, выражающие переживания, ценности и экспектации отдельной личности по поводу желаемой институциональной архитектуры, объясняющих ее представления об идеальном обществе [Parsons, 2007, 13].

Заключение

Подводя итоги данной части исследования, можно следом за многочисленными предшественниками и современниками сделать вывод о безусловной значимости идей в их социальном приложении. Однако их реальное влияние на процессы становления и трансформации институтов все еще остается дискуссионным и не до конца освещенным в современной научной литературе.

Библиография

1. Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи и институты // *Terra economicus*. 2018. Т. 16. № 2. С. 150-168.
2. Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // *Политическая наука*. 2009. № 4. С. 5-24.
3. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Кемерово: КузГТУ, 2021. 258 с.
4. Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 1. С. 118-129.
5. Тамбовцев В.Л. Идеи, нарративы и изменения в экономике // *Terra economicus*. 2019. Т. 17. № 1. С. 24-40.
6. Baumgartner F.R. Ideas, paradigms and confusions // *Journal of European public policy*. 2014. Vol. 21. No. 3. P. 475-480. DOI: 10.1080/13501763.2013.876180
7. Béland D. The idea of power and the role of ideas // *Political studies review*. 2010. Vol. 8. No. 2. P. 145-154. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2009.00199.x
8. Béland D., Cox R.H. *Ideas and politics in social science research*. New York: Oxford University Press, 2011. 288 p.
9. Béland D., Cox R.H. Ideas as coalition magnets: coalition building, policy entrepreneurs, and power relations // *Journal of European public policy*. 2016. Vol. 23. No. 3. P. 428-445. DOI: 10.1080/13501763.2015.1115533
10. Berman S. Ideational theorizing in the social sciences since “Policy paradigms, social learning, and the state” // *Governance*. 2013. Vol. 26. No. 2. P. 217-237. DOI: 10.1111/gove.12008
11. Blyth M. “Any more bright ideas?” The ideational turn of comparative political economy // *Comparative politics*. 1997. Vol. 29. No. 1. P. 229-250.
12. Blyth M. *Great transformations: economic ideas and institutional change in the twentieth century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 284 p.
13. Campbell J.L. Ideas, politics, and public policy // *Annual review of sociology*. 2002. Vol. 28. P. 21-38.
14. Carstensen M.B., Schmidt V.A. Power through, over and in ideas: conceptualizing ideational power in discursive institutionalism // *Journal of European public policy*. 2016. Vol. 23. No. 3. P. 318-337.
15. Finnemore M. *Constructing norms of humanitarian intervention // The culture of national security: norms, identity, and world politics*. New York: Columbia University Press, 1996. P. 153-185.
16. Gofas A., Hay C. The ideas debate in international and European studies: towards a cartography and critical assessment. URL: <https://ssrn.com/abstract=1086060>

17. Goldstein J., Keohane R.O. Ideas and foreign policy: an analytical framework. Cornell University Press, 1993. 394 p.
18. Haas M.R., Criscuolo P., George G. Which problems to solve? Online knowledge sharing and attention allocation in organizations // *Academy of Management journal*. 2015. Vol. 58. No. 3. P. 680-711. DOI: 10.5465/amj.2013.0263
19. Hall P.A. Policy paradigms, social-learning, and the state – the case of economic policy-making in Britain // *Comparative politics*. 1993. Vol. 25. No. 3. P. 275-296.
20. King A. Ideas, institutions and the policies of governments: a comparative analysis: part III // *British journal of political science*. 1973. Vol. 3. No. 4. P. 409-423.
21. Kingdon J.W. *Agendas, alternatives, and public policies*. Boston: Little, Brown and Company, 1984. 240 p.
22. McCaffrey S.P., Melancon M. (eds.) *Russia in the European context 1789-1914: a member of the family*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 238 p.
23. Mordhorst M., Schwarzkopf S. Theorising narrative in business history // *Business history*. 2017. Vol. 59. No. 8. P. 1155-1175. DOI: 10.1080/00076791.2017.1357697
24. Ocasio W. Towards an attention-based view of the firm // *Strategic management journal*. 1997. Vol. 18. No. 7. P. 187-206.
25. Parsons C. How to map arguments in political science. Oxford: Oxford University Press, 2007. 220 p.
26. Parsons C. Ideas and power: four intersections and how to show them // *Journal of European public policy*. 2016. Vol. 23. No. 3. P. 446-463. DOI: 10.1080/13501763.2015.1115538
27. Rashotte L.S. Social influence // *Blackwell encyclopedia of sociology*. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. Vol. IX. P. 4426-4429.
28. Schmidt V.A. Discursive institutionalism: the explanatory power of ideas and discourse // *Annual review of political science*. 2008. Vol. 11. P. 303-326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342
29. Schmidt V.A. Does discourse matter in the politics of welfare adjustment? // *Comparative political studies*. 2002. Vol. 35. No. 2. P. 168-193.
30. Schmidt V.A., Thatcher M. Why are neoliberal ideas so resilient in Europe's political economy? // *Critical policy studies*. 2014. Vol. 8. No. 3. P. 340-347. DOI: 10.1080/19460171.2014.926826
31. Wang S., Noe R.A. Knowledge sharing: a review and directions for future research // *Human resource management review*. 2010. Vol. 20. No. 2. P. 115-131. DOI: 10.1016/j.hrmr.2009.10.001

The ideational turn and the understanding of the determinative meaning of ideas in institutional studies (part 1)

Nikita N. Ravochkin

Doctor of Philosophy,
Associate Professor at the Department of history, philosophy and social sciences,
Kuzbass State Technical University,
Associate Professor at the Department of the humanities and legal disciplines,
Kuzbass State Agricultural Academy,
650056, 5 Markovtseva st., Kemerovo, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Abstract

The article aims to study ideas as a factor in institutional changes in the context of the ideational turn that has taken place in social sciences. The relevance of the research is substantiated by the insufficiency of the theoretical development of "ideologically oriented" problems in modern social philosophy. The purpose of the study is to comprehend the deterministic possibilities of ideas in the processes of institutional transformations. The research methodology is based on general philosophical approaches, as well as comparative analysis. The author of the article makes an attempt to study the history of the issue and to carry out an analysis of the first works devoted to the role of ideas in public life. The article considers in detail the classifications of social ideas. Having

studied the ideational turn and the understanding of the determinative meaning of ideas in institutional studies, the author concludes that discursive institutionalism is the most ideologically oriented approach, helping to overcome the limitations that classical institutionalists inevitably face. Taking into account the results of the socio-philosophical analysis, the article shows how ideas can have a determinative effect. The author points out the unconditional importance of ideas in their social application. However, their real impact on the processes of the formation and transformation of institutions is still debatable and not fully covered in modern scientific literature.

For citation

Ravochkin N.N. (2022) Ideatsionnyi povorot i osmyslenie determinatsionnogo znacheniya idei v institutsional'nykh issledovaniyakh (chast' 1) [The ideational turn and the understanding of the determinative meaning of ideas in institutional studies (part 1)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (1A), pp. 148-164. DOI: 10.34670/AR.2022.20.96.020

Keywords

Idea, ideational turn, institutions, society, social transformations, actor, modernization.

References

1. Baumgartner F.R. (2014) Ideas, paradigms and confusions. *Journal of European public policy*, 21 (3), pp. 475-480. DOI: 10.1080/13501763.2013.876180
2. Béland D. (2010) The idea of power and the role of ideas. *Political studies review*, 8 (2), pp. 145-154. DOI: 10.1111/j.1478-9302.2009.00199.x
3. Béland D., Cox R.H. (2011) *Ideas and politics in social science research*. New York: Oxford University Press.
4. Béland D., Cox R.H. (2016) Ideas as coalition magnets: coalition building, policy entrepreneurs, and power relations. *Journal of European public policy*, 23 (3), pp. 428-445. DOI: 10.1080/13501763.2015.1115533
5. Berman S. (2013) Ideational theorizing in the social sciences since “Policy paradigms, social learning, and the state”. *Governance*, 26 (2), pp. 217-237. DOI: 10.1111/gove.12008
6. Blyth M. (1997) “Any more bright ideas?” The ideational turn of comparative political economy. *Comparative politics*, 29 (1), pp. 229-250.
7. Blyth M. (2002) *Great transformations: economic ideas and institutional change in the twentieth century*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Campbell J.L. (2002) Ideas, politics, and public policy. *Annual review of sociology*, 28, pp. 21-38.
9. Carstensen M.B., Schmidt V.A. (2016) Power through, over and in ideas: conceptualizing ideational power in discursive institutionalism. *Journal of European public policy*, 23 (3), pp. 318-337.
10. Finnemore M. (1996) Constructing norms of humanitarian intervention. In: *The culture of national security: norms, identity, and world politics*. New York: Columbia University Press, pp. 153-185.
11. Gofas A., Hay C. *The ideas debate in international and European studies: towards a cartography and critical assessment*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1086060> [Accessed 02/12/21].
12. Goldstein J., Keohane R.O. (1993) *Ideas and foreign policy: an analytical framework*. Cornell University Press.
13. Haas M.R., Criscuolo P., George G. (2015) Which problems to solve? Online knowledge sharing and attention allocation in organizations. *Academy of Management journal*, 58 (3), pp. 680-711. DOI: 10.5465/amj.2013.0263
14. Hall P.A. (1993) Policy paradigms, social-learning, and the state – the case of economic policy-making in Britain. *Comparative politics*, 25 (3), pp. 275-296.
15. King A. (1973) Ideas, institutions and the policies of governments: a comparative analysis: part III. *British journal of political science*, 3 (4), pp. 409-423.
16. Kingdon J.W. (1984) *Agendas, alternatives, and public policies*. Boston: Little, Brown and Company.
17. Malinova O.Yu. (2009) Pochemu idei imeyut znachenie? Sovremennyye diskussii o roli “ideal'nykh” faktorov v politicheskikh issledovaniyakh [Why do ideas matter? Modern discussions about the role of “ideal” factors in political research]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 4, pp. 5-24.
18. McCaffrey S.P., Melancon M. (eds.) (2005) *Russia in the European context 1789-1914: a member of the family*. New York: Palgrave Macmillan.
19. Mordhorst M., Schwarzkopf S. (2017) Theorising narrative in business history. *Business history*, 59 (8), pp. 1155-1175.

DOI: 10.1080/00076791.2017.1357697

20. Ocasio W. (1997) Towards an attention-based view of the firm. *Strategic management journal*, 18 (7), pp. 187-206.
21. Parsons C. (2007) *How to map arguments in political science*. Oxford: Oxford University Press.
22. Parsons C. (2016) Ideas and power: four intersections and how to show them. *Journal of European public policy*, 23 (3), pp. 446-463. DOI: 10.1080/13501763.2015.1115538
23. Rashotte L.S. (2007) Social influence. In: *Blackwell encyclopedia of sociology*, Vol. IX. Oxford: Blackwell Publishing, pp. 4426-4429.
24. Ravochkin N.N. (2021) *Rol' idei v stanovlenii i transformatsii politiko-pravovykh institutov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty* [The role of ideas in the formation and transformation of political and legal institutions: theoretical, methodological and applied aspects]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.
25. Schmidt V.A. (2008) Discursive institutionalism: the explanatory power of ideas and discourse. *Annual review of political science*, 11, pp. 303-326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342
26. Schmidt V.A. (2002) Does discourse matter in the politics of welfare adjustment? *Comparative political studies*, 35 (2), pp. 168-193.
27. Schmidt V.A., Thatcher M. (2014) Why are neoliberal ideas so resilient in Europe's political economy? *Critical policy studies*, 8 (3), pp. 340-347. DOI: 10.1080/19460171.2014.926826
28. Smorgunov L.V. (2009) Sravnitel'naya politologiya v poiskakh novykh metodologicheskikh orientatsii: znachat li chto-libo idei dlya ob'yasneniya politiki? [Comparative politics in search of new methodological orientations: do ideas mean anything for explaining politics?] *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1, pp. 118-129.
29. Tambovtsev V.L. (2019) Idei, narrativy i izmeneniya v ekonomike [Ideas, narratives and changes in the economy]. *Terra economicus*, 17 (1), pp. 24-40.
30. Vol'chik V.V., Maslyukova E.V. (2018) Narrativy, idei i instituty [Narratives, ideas and institutions]. *Terra economicus*, 16 (2), pp. 150-168.
31. Wang S., Noe R.A. (2010) Knowledge sharing: a review and directions for future research. *Human resource management review*, 20 (2), pp. 115-131. DOI: 10.1016/j.hrmr.2009.10.001